

Максим Осипов
На Шпрее
рассказ

Уверенность в своих силах достигается путем долгих постоянных побед.

Лиза, Елизавета, натуральная, что называется — стальная, блондинка, летит из Москвы в Берлин. Лизой зовет ее только отец, для остальных она Бетти — энергично, весело, имя Бетти ей очень идет.

Мысль про уверенность в своих силах принадлежит Капабланке — все равно перед Бетти ни один Капабланка б не устоял: короткая стрижка, длинные сильные ноги, и руки сильные, мускулатура вообще очень развита, черная блузка, светлые брюки в обтяжку, совершенно плоский живот, на шее — татуировка абстрактного содержания. Если б не горизонтальная складка на лбу, про Бетти можно было б сказать «породистая», но она ведь не лошадь, не арабский скакун, чтоб у нее недостатки выискивать. В любом обществе, даже таком случайном, как самолетное, она на себя обращает внимание. Красивая взрослая женщина, трезвая, эрудированная, Бетти — руководитель проектов, второе лицо в очень известной компании. Увлечена собой, не без этого, но кто на месте Бетти не был бы увлечен?

В полете Бетти читает толстый журнал, серьезный, хотя и глянцевоый, она читает у них все подряд — и аналитику-публицистику, и художественное. В рассказе, местами грустном, местами смешном, описана свадьба: женятся математики. Невеста впервые встречает собственного отца — тот и понятия не имел о существовании дочери: случайная связь, мимолетный роман. Тут же, на свадьбе, у отца с матерью происходит повторное замыкание, теперь уже, наверное, не столь короткое, все запутывается, и про гостей-артистов смешно, имена подобраны с юмором, как у Моцарта: Бетти и в опере разбирается, сегодня она пойдет в нее — не одна пойдет, не одна. В Берлине всегда есть возможность послушать хороший концерт или оперу, все такое, культурное, из-за падения стены здесь удвоилось — есть из чего выбирать, и, по отзывам, восточное часто не хуже западного. А рассказик — не успела его дочитать — и правда, забавный и своевременный, как бы и про нее.

— Что привело вас в Берлин?

Офицер-пограничник обращается к ней по-английски, она отвечает ему по-немецки: приехала повидаться с сестрой.

— Молодцы девочки.

Еще бы не молодцы, он даже не знает, до какой степени молодцы. Долго, однако, он Бетти разглядывает: не документы и не лицо — шею, грудь. Как зо-

вут сестру, спрашивает, и давно ли они не виделись? — Сестру зовут Эльзой, а не виделись — да, порядочно. Бетти весело, у офицера тоже настроение хорошее, бац-бац — печати поставлены — добро пожаловать в ФРГ.

— Фридрих-фон-Шиллер-аллее, четырнадцать, — произносит она с удовольствием, когда залезает в машину. — «Кремер и Кремер», товары для верховой езды.

Улыбнулась, вспомнила, как отец провожал ее:

— Лошадь Pferd, конь Roß, существительные пишутся с большой буквы. ЦК решало и не такие вопросы, — выражение это он часто использует в затруднительных случаях. На прощание долго мял ее, обнимал.

Быть молодой, свободной, сильной, красивой женщиной — есть ли на свете состояние счастливее! В жизни Бетти мужчины присутствуют — как без них? — но никого она рядом с собой дольше чем на несколько месяцев не задерживает. Очень уж они какие-то все у нее спортивные — спорту Бетти не враг, он учит работать, преодолевать препятствия, но для серьезных, что называется — длительных, отношений хочется большего: артистизма, веселья, ума, наконец. Это не принцип, не мужененавистническая — тьфу, и не выговоришь — философия, нет у нее философии: живи и давай жить другим.

— Мы не спешим, не правда ли? — обращается Бетти к водителю: тот совершил слишком резвый маневр. На эту самую Шиллер-аллее ей надо приехать к шести, к закрытию.

Таксист — скучный, неаккуратно выбритый, одутловатый дядька за пятьдесят. Спросив имя, она немедленно его забывает: Гюнтер вроде бы. Из ГДР. Она, кстати, думала, только турки и русские водят в Берлине такси. На всякий случай спешит сообщить ему: она сама русская. — Он принял ее за голландку, даже швейцарку. — Прекрасно, пусть этот Гюнтер теперь ее просветит, немножко покажет город: Бетти хочется полюбить Берлин. Она исполнена благожелательности.

В Берлине теплее, влажнее и как-то темней, чем в Москве. Небо серое, дождя нет. Справа — новый аэропорт Бранденбург: строят, строят его, всё никак. Пока любоваться не на что.

Возвращаясь к спорту: плавать ее научил отец, плавать Бетти умеет столько, сколько помнит себя — как читать, разговаривать, — фехтованию, бегу и верховой езде научили в секции, и стрельбе — тоже там, современное пятиборье — спорт высшей гармонии. Наибольшее удовольствие доставляли, конечно же, лошади. Пятиборье, однако, пришлось оставить — и как раз из-за них, лошадей: в конюшне у Бетти слезились глаза — на сено реакция, аллергическая. Ушла в синхронное плавание, над водой свои ножки показывала, на радость родителям, в особенности отцу. Прошлое его, до женитьбы и до ее рождения (Бетти была довольно поздним ребенком), связывалось в ее детском воображении с водой, с большой водой: отец окончил Московский университет, факультет географии, знал языки — немецкий, английский, сербский, арабский (последний, что называется — со словарем) и превосходно плавал — даже теперь, в свои семьдесят, ходил на Москву-реку с середины мая и по сентябрь и в бассейн в остальные месяцы.

За окном все пока что довольно бессвязное, наклепленное кое-как. Много нового, бетонно-стального, стеклянного. Берлин — город незавершенных идей, неосуществленных возможностей. Вот Карл-Маркс-аллее, таксист прерывает молчание, показывает: дома, где жили гэдээровские начальники. Окна побольше, балконы пошире, но по нынешним временам зрелище жалкое. Подобной архитектурой Бетти не удивишь: дом улучшенной планировки, она росла в таком, в Строгино, отец и теперь там живет, и мама жила до последнего времени.

Бедная мама, ни с того ни с сего умерла. Легла подлечиться в больницу — скорее, проверить здоровье — и умерла. Бетти с отцом теперь к русским врачам относятся с подозрением.

Ладно, не будем о грустном. Бетти несколько лет назад переехала в центр, на Остоженку. Первые шаги свои в бизнесе она — что скрывать? — совершила с отцовской помощью, он познакомил ее с правильными людьми, дальше — только сама. Кому достигать высот, как не ей, Бетти, — с ее умом, знанием нескольких языков, внешностью? Не так уж отец и помог, не стоит преувеличивать.

За этими мыслями Бетти не замечает, как они оказываются в западной части города. Как же странно устроен Берлин: проспекты, которые никуда не ведут, заканчиваются не площадями, не какими-то монументальными зданиями, а часто — ничем. Театры, концертные залы, посольства, посольства, правительственные учреждения: город богемы и бюрократии. Ага, вот и Опера, тут они с Эльзой должны оказаться вечером. План такой: она забирает Эльзу из магазина, они едут в оперу, затем ужинают с откровенными разговорами. Сегодня она согласна на любую еду, пускай Эльза выберет: что-то Бетти подсказывает, что сестра ее мяса не ест. А вдруг она дура? Толком не знает английского — для нестарой немки признак плохой. Но опера ей понравится: немцы народ музыкальный, а дуры — те тоже ужинают. Будет все хорошо, такое предчувствие.

Гостиницу Бетти не стала заказывать — наверное, Эльза к себе ее позовет. Эльзе сорок два года, и она, по всей видимости, одинока. Как бы убого она ни жила, надо вытерпеть: родственников не выбирают. Ничего, ничего, глядишь, и у Эльзы что-то наладится. Между прочим, для Бетти союз с сестрой тоже небесполезен — с этими новыми правилами об иностранных счетах. Но Бетти сюда приехала не поэтому.

— Давайте направо свернем, — просит она, — вдоль Шпрее прокатимся.

Камень, плитка, перила: здесь Шпрее забрана в набережную. Речушка так себе, вшивенькая, чуть шире, может быть, нашей Яузы. При минимальном умении плавать утонуть в ней нельзя.

Бетти достает зеркало, себя разглядывает. У отца такая же складка на лбу, гораздо сильнее выраженная, — это особенно видно на юношеской его фотографии, с каким трудом удалось ее разыскать! Когда отца спрашивают, где он теперь работает, отец отвечает, что после смерти жены ко всему потерял интерес. Да, работает — там, где-то там, — машет рукой, прикрывает глаза: никому дела нет до подробностей. Проекты курирует, некоммерческие. Издательские, просветительские. Коммерция ему противопоказана, ею Лизка вон пусть занимается.

Настоящий город они оставили теперь позади, кругом даже не парк — лес: птицы орут, белки бегают. Где и быть лошадиному магазину, как не в глуши. Тут даже лисы и зайцы водятся, а скоро, в апреле-мае, приползут загорать старички: немцы любят полежать нагишом на солнышке. То еще, вероятно, зрелище.

Скоро приедем. Бетти лезет в свой телефон, отключает звук, пересматривает фотографии, в сумку заглядывает — не потерялись ли билеты на оперу, снова смотрится в зеркальце. Складывает все обратно, проводит руками по бедрам. У Бетти длинные пальцы с очень выпуклыми, рельефно очерченными суставами.

«Се-е-рдце, молчи в сне-е-жной ночи, — начинает она напевать, тихо-тихо, почти про себя, — в поиск опасный уходит разве-е-дка...». Песенка эта всегда ее гармонизирует. Опять-таки — у отца научилась, сам он верхушку не мог вытянуть, Бетти ему подпевала, на пианино подыгрывала. Да-да, она и музыкальную школу закончила в далекие уже времена.

Шиллер-аллее, четырнадцать. Где остальные тринадцать домов? Где-то там, за деревьями. «Кремер и Кремер», полчаса до закрытия. Не дело опаздывать, не дело и раньше времени приходить.

Бетти высаживается позади здания, отпускает такси, оглядывается. Никого — ни охраны, ни покупателей. Только крохотный серенький автомобиль с лошадиными мордами, нарисованными на капоте и на багажнике, — нет со-

мнений в том, кому он принадлежит. Автомобиль вызывает у Бетти новый прилив сострадания.

Пасмурно, но не холодно, тут прошел-таки дождь, и воздух напитан водой. Пахнет свежестриженными кустами: сильный, трудноопределимый запах. Бетти минут еще десять гуляет в сумерках, время — без четверти шесть.

Витрина ярко освещена: уздечки, поводья, налобники, амортизаторы, вальтрапы любых цветов, меховушки — на капсюль и под седло — все знакомое, милое сердцу, на короткий момент она забывает, зачем приехала. Дальше: жockeyки, цилиндры, о, бриджи какие роскошные, с замшевой вставкой под попу — жаль, некуда выйти в таких. Зато сапоги — не забыть бы, как называются. «Тиффани». Всё, пошли.

Стрелять Бетти учили так: выдохнуть до конца, потом немножко, на четверть, вдохнуть, задержать дыхание, прицелиться. Услышать, как бьется сердце, и в промежутке между ударами спустить курок. Бетти берется за ручку, выдерживает короткую паузу, открывает дверь.

— Здравствуйте, Эльза, — говорит она, подойдя к кассе. — У меня для вас хорошие новости.

У истории этой есть предыстория. В конце февраля позвонил отец, попросил прийти. Тон трезвый и деловой: две новости. Начнем, как обычно, с плохой?

— Рак. — Он предпочел бы не... Да, по мужской линии. — Простата. Предстательная железа. Тетка-уролог из поликлиники говорит: рачок, ничего особенного. Предлагает, — отец неожиданно взвизгнул, — кастрацию! Где гарантии, что поможет? Гарантий нет!

Разумеется, Бетти не допустит подобного варварства. Она найдет для него правильного врача — в той же Германии.

— Во-от, в Германии, — столь же внезапно отец успокаивается: поэтому он ее и позвал.

Есть, однако, препятствие. Их... — Кого их? — Неужели неясно? Их, бывших сотрудников Первого управления (да, того самого), не пускают в Европу, вообще никуда, вполне себе гласный запрет. Отец проговаривает это быстро и даже с брезгливостью: ты умная девочка, брось притворяться будто удивлена.

Что-то до нее долетало, конечно же. Однажды — было ей лет тринадцать, Бетти случайно подслушала: зашедший к ним в гости сосед дядя Савва, посмеиваясь, рассказывал, как один их общий с отцом товарищ чуть не угробил врача, который что-то ему очень удачно вырезал, — подарил тому дорожный виски или коньяк, а в бутылке — огромная концентрация какого-то вещества, ядовитого (Бетти забыла название): обознатушки, не оттуда пузырь достал, перепутал сейф. Отец быстро заткнул его, вытолкал. Бетти тогда узнала отличную фразу — отец произнес ее по-английски: Ask no questions, and you'll be told no lies¹. И за границу он в самом деле не ездил, предпочитал отдыхать на родине. Если подумать, то можно вспомнить еще.

Итак, плохой новостью отец поделился — рак. Причем лечить этот рак предстоит в Москве. Бетти не любит слова «совок», она практически не жила при нем, но уверена, что было в нем всякое, много прекрасного в том числе. Но применительно к отечественной медицине другого слова не подберешь. А где хорошая новость? Что-то отец не спешит сообщить ее.

Он улыбается, просяще, болезненно, он смущен — таким его Бетти прежде не видела. Хорошая новость следующая: в Германии у нее, вероятно, сестра.

1 Не задавайте вопросов, и вам не будут лгать (англ.).

Понятно, почему он раньше молчал — была жива мама, и почему разговорился теперь: воссоединение семьи — единственный шанс на лечение.

Обстоятельства таковы: с начала семидесятых и по восемьдесят второй он жил в Западном Берлине под сербской фамилией Милич. Почему не Фишер, не Шмидт? Ну вот так. Может, немецкий был не настолько хорош. Где работал, что делал? Картами занимался, географическими, в бюро служил — считай, по профессии. Только карты его были почти не нужны. В Берлине в семидесятые все уже устаканилось, пришло в равновесие. Ходил на речку, женился, родили девочку. Жену звали Анной. Что делала? Да ничего, преподавала музыку. Она была сильно старше него. Теперь-то, конечно, на пенсии, если не умерла. В общем, жил себе, можно сказать, не тужил. Строили какие-то планы совместные, без задних мыслей. Домик хотели купить, девочку Эльзу воспитывали. А потом вдруг приказ: возвращаться. Кто-то подставился, чей-то прокол, не его. Не задавайте вопросов... — Бетти помнит конец.

На то и приказы, чтоб выполнять. Дали на сборы немало — два полных дня. Рано утром отправился, как он часто ходил, на Шпрее, одежду оставил на берегу, а сам... Были способы. Предлагали семью прихватить, но вряд ли бы Анне эта затея понравилась, она, насколько он знал, не питала особой симпатии к русским, к соцлагерю. Короче, не вышло поговорить.

— Хотя отношения были нормальные. Ты же знаешь, Лизонька, у меня со всеми, в принципе, отношения нормальные.

Пошел проводить ее до двери, неожиданно сильно обнял:

— Кстати, прошу тебя, когда будешь говорить там, — где? что он имел в виду? — я ничем, никогда, поняла меня? не нанес ущерба Германии.

Наибольшее, самое тяжелое впечатление произвел на Бетти не рассказ отца, не диагноз уролога, а удушающий, сладковатый запах гнилого мяса — от рук, изо рта, — который она услышала, когда отец ее обнимал. Пришла домой, быстро смыла его с себя, стала искать сестру и нашла.

Эльза Милич, семьдесят третьего года рождения — счастье, что замуж не вышла, не изменила фамилию. Полезная штука фейсбук. У Эльзы шестнадцать друзей, негусто. Кто-то ее по крайней мере фотографирует. Всюду Эльза одна, не считая животных. Собаки — лохматые, полудохлые, и лошади тоже не самые свежие. Путешествия, еда, политика и даже пропавшие дети ее не тревожат — только здоровье бесхозных собак, рацион лошадей. Вот снимок, выложенный прошлой осенью. Сходства с отцом, пожалуй что, нет, довольно плоская физиономия: широкие скулы и нос, волосы рыжеватые, с сединой. Что сказать? Надо краситься. И ведь это еще удачная фотография, раз Эльза выставила ее. А вот она возле лошади, в профиль. Вислозадая у Бетти сестренка, говоря как есть. И никаких следов матери — впрочем, зависеть в социальных сетях старушка и не обязана.

Попросила отца вспомнить об Эльзе хоть что-нибудь: она уже начала испытывать к ней сочувствие.

— Успехи ее, знаешь, были не очень, не то что твои, ты гораздо способнее. Говорю ей однажды: есть дети, которых надо ругать, наказывать, чтоб они лучше старались, а кого-то, наоборот, нужно хвалить, баловать. А к какой категории, Эльза, ты относишься, я понять не могу, ничего на тебя не действует. Отвечает: уж ты, папа, как-нибудь сам решай. Лизка, ты представляешь? — Подумал немножко. — Все равно я бы на девочку ориентировался, не на мать.

В фейсбуке принято сразу переходить к делу. И Бетти написала сестре по-английски (переговоры сподручней вести на английском, языке для обеих чужом): «Если вы дочь человека по имени Мирко Милич, дайте, пожалуйста, знать: я могу сообщить вам о нем нечто исключительно важное. Готова приехать в Берлин». Прошло несколько дней, прежде чем Эльза прочла письмо (о чем по-

явилась соответствующая отметка), и еще несколько, пока она не ответила — на ужасном английском: в любой будний день в магазин к закрытию.

И вот уже Бетти стоит перед Эльзой, руку ей подает, обращается к ней по-немецки:

— У меня хорошие новости. Я прихожусь вам сестрой.

Жесты правдивее, убедительней слов. Первая сцена ею продумана, отрепетирована: пожать руку Эльзы и задержать секунды на три в своей. Положить свою левую руку поверх ее правой. Поймать ее взгляд.

У Эльзы глаза воспаленные, красные, веки припухли: аллергический конъюнктивит, Эльза ведь с сеном работает.

— У меня тоже из носа, из глаз текло, пока верховую езду не оставила.

Общая аллергия, общее увлечение — все пока хорошо. В жизни Эльза лучше, чем на фейсбуке, несмотря на конъюнктивит.

— Нет, невозможно, — голос у нее тихий и хриплый, как у курильщицы. — Вы моложе меня лет на десять, вы не можете быть мне сестрой.

На двенадцать, если на то пошло. Тем не менее. Бетти достает телефон, показывает фотографию молодого отца. Квартиру перевернули вверх дном, пока удалось найти хотя бы один его старый снимок: в итоге сфотографировали комсомольский билет.

Эльза с большим вниманием разглядывает фотографию. На чужих людей так не смотрят.

— Откуда это у вас?

Глупо звучит: *Kommunistische Jugendverband. Der Komsomol.*

— Он умер, когда мне исполнилось восемь лет. Я совсем не знаю его югославского прошлого. У нас не осталось фотографий отца.

Господи, югославское прошлое. Что, пора? Хорошие новости тоже могут повергнуть в шок, но когда-то ведь нужно сказать:

— В том-то и дело, Эльза, — надо бы снова взять ее за руку, но руки она уже убрала, — в том-то и дело, что отец наш не умер, он жив.

Чуть не прибавила: — Хоть и весьма себя скверно чувствует. — Отложим рачок на потом.

Движением пальца Бетти меняет картинку в своем телефоне:

— А вот он в нынешнем своем виде, — Бетти долго старалась, заставляла отца позировать, но Эльза бросает на снимок лишь беглый взгляд.

Тупость или такая выдержка? Эльза роется в ящике — вытаскивает фотографию, обернутую в целлофан, кладет ее перед Бетти.

Лужайка. На ней две плиты. На одной высечен крест с двумя перекладинами и написано: Мирко Милич. И годы жизни: сорок четвертый — восемьдесят второй. На другой плите — Анна Милич, здесь ангел изображен, а под ним слова: *Der Rest ist Schweigen*² — что-то знакомое.

Стыдно признать, от известия о смерти Эльзиной матери Бетти испытывает облегчение. Ей и с Эльзой, похоже, хватит хлопот.

Отчего умерла, неизвестно. Эльза называет свою мать по имени: Анна не любила ходить по врачам. За четыре последних года ни разу не вышла из дому. И еще Эльза помнит похороны отца: свечи, пение. Был священник-серб, Эльза его запомнила.

— Где, где это всё?

— На кладбище.

Бетти слегка улыбается — наверное, зря. Просто шутку вспомнила насчет программистов: ответ правильный, но пустой.

— Понятное дело, на кладбище. На каком?

Эльза машет рукой, зажмуривается, наклоняет голову — точь-в-точь, как отец, когда ему не хочется отвечать.

— Дорогая Эльза, под плитой нет отца.

К удивлению Бетти, и эти слова ее не производят действия.

— Конечно, ведь он утонул. Тела не обнаружили. Признали умершим. Похоронили одежду, которая осталась на берегу.

А почему, как полагает Эльза, не удалось обнаружить тела?

— Шпрее впадает в Хафель, Хафель впадает в Эльбу...

Бетти хочется ее перебить:

— А Эльба в мировой океан. — Но она только спрашивает миролюбиво: — К чему эта география?

— ...Хафель и Эльба текли по территории ГДР. Это мешало поиску. — Так объяснили им.

Может Бетти щелкнуть надгробия на телефон? Нет так нет. А теперь пусть Эльза ее послушает. И Бетти изложила сестре то небольшое, что знала о берлинском периоде жизни отца. Про то, что была возможность семью с собой увезти, не стала упоминать.

— Весьма интересно, — произносит Эльза как будто задумчиво, не поднимая глаз, но голос-то, голос дрожит, и руки дрожат, наверное. Зачем иначе она их в карманы засунула? Повторяет: — Весьма интересно. Но почему сейчас?

Только не надо про *perestroika* и остальную чушь, думает Бетти.

— Почему не раньше, пока была Анна жива?

Бетти разводит руками: что сделаешь, ну вот так.

— Слушай, Эльза, я понимаю, что ты несколько... удивлена, ошарашена и т. д., однако жизнь такова, что в ней разные вещи случаются. Надо уметь принимать ее, как она есть, не правда ли? Для меня это тоже все был сюрприз. — Бетти взглядывает на часы: — Я билеты на оперу заказала. Ты любишь оперу?

Эльза глядит на нее совсем как-то странно, непонимающе. Да, видимо, дура, и трудная.

— Я думала, все вы любите музыку. — Постоянно с ней надо оправдываться. — «Волшебная флейта». Это опера Моцарта.

— Я хохшуде окончила как преподаватель музыки, — наконец отвечает Эльза. С места, однако, не трогается.

— Да? Почему бросила?

— Я не бросила. Я окончила.

Ладно, об этом тоже после поговорим. Они так и будут по разные стороны кассы стоять? — Эльза пожимает плечами: ей удобно и тут.

Что-то пошло не по плану. Надо все уже карты на стол выкладывать.

— Во-первых, давай на какое-то время оставим отца. Тем более, он нездоров — у него опухоль. — Эльза и ухом не повела. С ней приходится, как с гаишниками: лепи все подряд, что-нибудь вдруг да сработает.

Во-вторых, сама Бетти узнала о существовании сестры буквально на днях, разыскала ее, примчалась в Берлин, предлагает ей дружбу, от чистого сердца: с ней, с Бетти, пусть Эльза поверит, дружить хорошо. — Опять никакой реакции. Довольно невежливо.

— В-третьих, как говорится: все мы не без греха. — В этом месте Бетти слегка понижает голос: чувство вины в них тут с детского сада вдалбливают. — Посмотри, человек не нанес никакого вреда интересам Германии, — Бетти ручается, ей он не станет лгать. — Дадим ему шанс, пусть попробует все исправить, выстроить заново.

Кажется, Бетти добилась маленького успеха: Эльза поднимает глаза от кладбищенской фотографии. Но молчит.

— Само собой, — продолжает Бетти, — у Анны уже не попросишь прощения, но... — Бетти не знает пока, что — «но», и решает включить эмоции. — В-четвертых, и в-пятых, и в-сто-двадцать-пятых, отец был на службе. На то и приказы, чтоб их выполнять. Что же касается Анны... — Вот, она может сказать: в случившемся не было злого умысла, чего-то специально направленного против Эльзы и ее матери. — Знаешь, как говорят: *nothing personal*, ничего личного. Отец ведь не ради другой женщины оставил вас.

— *Nothing personal*, — повторяет Эльза с акцентом.

Бетти кажется, что ей удалось уже все узлы разрубить, отбить все мячи. Она снова смотрит на время:

— Сделаем вот как: я проведу с ним беседу, отец тебе позвонит. Потом, если хочешь, конечно, — не думай про визу, билеты и прочее — съездим в Москву. Тебе в любом случае надо у нас побывать, ты же наполовину русская...

Эльза перебивает ее:

— А давайте сделаем так, чтобы вы нас в покое оставили.

Снова уткнулась в свою фотографию. Нас? Кого Эльза имеет в виду? Себя, Анну? Всю троицу? На ее приплюснутой физиономии мало чего прочтешь. Надо дать ей возможность подумать, перевести дыхание: разные люди реагируют с разной скоростью. Поэтому Бетти ее на минутку покинет, пойдет быстренько себе выберет сапоги. У них уже мало времени — пора выдвигаться в оперу.

По какой-то причине именно в этот момент сестрица ее слетает с катушек:

— У нас нет сапог твоего размера, — заявляет отчетливо и ужасно зло.

Бетти уже возле полки «Тиффани»: вот же они. И откуда ей знать, какой Бетти носит размер?

— Нет, говорят тебе!

О'кей, зачем нервничать? А шляпа, может Бетти шляпу себе прикупить?

— Шляпу так забирай! Касса закрыта. Любую бери! — Эльза со звоном хлопывает кассовый ящик, кричит в телефонную трубку: — Такси, поскорей. Не то одна дама, — так и выразилась, *eine Dame*, — опоздает на оперу.

Черт с ней, со шляпой, со всем, Бетти тут делать нечего.

— Дай тебе Бог здоровья. — Хотела добавить: — И мужа непьющего, — удержалась, все равно сестричка ее недоделанная не оценит юмора.

Одна она в оперу не пойдет. Вот еще — чтоб на нее там эти фашисты пялились. Подарит билеты таксисту: на, отдохни культурно, как там тебя — Фриц, Ганс? Улетит в Москву поздним вечером. По дороге придет кое-как в себя, дочитает рассказ про любовь, к концу ей он сильно меньше понравится.

Когда Бетти доберется до Строгино и сообщит отцу о смерти первой его жены и о том, что они похоронены с нею рядышком, отец неожиданно забеспокоится. Потом возьмет себя в руки. Отзовется об Эльзе так:

— С характером получилась девочка. — Пошевелит в воздухе пальцами: — По большому счету, никогда этих немцев не понимал.

Закашляется ни с того ни с сего, в последнее время он сильно кашляет, неужели рачок перекинулся в легкие? Она его похлопает по спине, ему станет легче, и он успокоит ее на прощание:

— ЦК решало и не такие вопросы, Лизок. В Израиле тоже медицина нормальная.